

необходимых уточнений в статью 25 закона "О свободе совести и о религиозных объединениях".

2) Также РПЦ поднимает вопрос **о финансировании работ по реставрации объектов культурного наследия за счет бюджетных средств и после передачи их Церкви.**

3) Указом от 6 февраля № 138 Президент Российской Федерации отменил 18 своих указов о предоставлении отсрочки от призыва отдельным категориям граждан, в том числе и священнослужителям (№ 24 от 14.01.2002 г.). В связи с этим обостряется **проблема военной службы выпускников духовных семинарий**: в соответствии с церковными установлениями им не следует упражняться в воинских делах. Но и направление их на альтернативную службу на 3,5 года тоже представляется сомнительным. Естественно, что работа на этом направлении будет продолжаться.

4) Назревает и оценка необходимости **корректировки законодательства о местном самоуправлении.** Конечно, нет такого явления, в котором исполнительная практика могла бы ограничиться только одним "профильным" законом. Тем не менее, отсутствие в Федеральном законе "Об основах местного самоуправления в Российской Федерации" выходов на отношения с религиозными объединениями, в том числе религиозными группами, вызывает порой проблемы.

Анатолий КРАСИКОВ (Москва, РОССИЯ)

ТРИ ВЫЗОВА СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИИ: ВЗГЛЯД ИЗ МОСКВЫ

Недолгая (менее двух десятилетий) история постсоветской России чётко делится на два этапа - до и после вооружённого конфликта на Северном Кавказе. Первый этап принёс стране Конституцию правового государства. Она, вероятно, не идеальна, и в ней можно найти те или иные недостатки. Однако факт остаётся фактом: впервые в истории наш основной закон провозглашает высшей ценностью человека, его права и свободы. Впервые основные права и свободы человека объявляются неотчуждаемыми и принадлежащими каждому от рождения. Впервые прямо указывается, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

Второй этап ознаменовался атаками на основы только что родившегося и не успевшего ещё укрепить нового конституционного строя Российской Федерации, милитаризацией общественного сознания, поисками внешних и внутренних врагов. Развернулось наступление на свободу совести. Оно проявилось: 1) во взаимопроникновении церковно-административного аппарата РПЦ и государственных структур; 2) в ограничении прав и возможностей неправославных религиозных структур; 3) в рождении православного нацизма (по терминологии адептов - «сверхнационализма»).

1. Взаимопроникновение церковно-административного аппарата Русской Православной Церкви и государственных структур

Казалось, можно было бы только радоваться тому, что на смену воинствующим атеистам недавнего прошлого в качестве «первых лиц» в новой России выступают люди верующие, наверняка знакомые с заповедями Моисея и Нагорной проповедью Христа. Но жаждающая реванша часть церковнослужителей, «бегущие впереди паровоза» чиновники и подбострастные руководители СМИ делают всё, чтобы оправдать опасения относительно возможного отката страны к худшим традициям прошлого.

На протяжении восьми лет пребывания на посту главы государства Владимир Путин много раз заявлял, что не будет вносить предложения об изменении действующей Конституции. Неоднократно напоминал он и о том, что Российская Федерация - многонациональное и многоконфессиональное государство. Аналогичную позицию занял новый президент России Дмитрий Медведев. Однако это не мешало и не мешает высокопоставленным должностным лицам вести себя прямо противоположным образом.

Администрация президента включила патриарха Московского и всея Руси в список «протокольного старшинства российских официальных лиц» под номером 5 (предыдущие четыре строки в нём занимают президент, премьер-министр, а также председатели Государственной думы и Совета федерации). Можно не сомневаться в том, что предоставление патриарху официального статуса в номенклатуре государственных должностей было инициировано отнюдь не Алексием II. Как предстоятель Церкви, он в этом не нуждался и не нуждается. Но таковы уж традиции аппаратной игры функционеров, что они, игнорируя Конституцию, распространяют собственную «каноническую территорию» на отделённые от государства религиозные объединения граждан. И невдомёк этим функционерам, что своей «милостью» они компрометируют человека, бесконечно далёкого от суетности мира сего.

«Обхаживание» патриарха вот уже добрый десяток лет сопровождается непрекращающимся потоком заявлений о «главенствующей» роли РПЦ в жизни государства. Причём некоторые высокопоставленные персоны, говоря о православии, называют его «государственной идеологией» (слава Богу, ни Путин, ни Медведев, юристы по образованию, в этой кампании сами лично не участвовали). А в стенах Думы то и дело рождались и продолжают рождаться законопроекты, предусматривающие легализацию вознесения РПЦ до высот, которые до 1990 г. занимала известная всем «руководящая и направляющая сила советского общества».

Самым распространённым нарушением законодательства, чреватых далеко идущими последствиями, стало массовое открытие храмов и фактическое создание приходов РПЦ на территории государственных структур, чья деятельность должна служить интересам всего общества, независимо от религиозных (или нерелигиозных) взглядов его членов. Первыми на этот путь вступили «силовики». Ещё 2 марта 1994 г., за несколько месяцев до начала чеченской войны, было подписано совместное заявление Патриарха и министра обороны РФ о сотрудничестве между РПЦ и вооружёнными силами. За ним последовали аналогичные документы, расширявшие сферу эксклюзивных отношений РПЦ с другими силовыми структурами государства.

Позднее на смену «совместным заявлениям», которые с юридической точки зрения представляли собой своего рода декларации намерений, стали приходиться и формальные договорно-правовые документы, уточнявшие формы и условия набравшего обороты сотрудничества. Как отмечал в связи с этим доцент Военного университета Министерства обороны капитан первого ранга Ю.Г. Носков, критиковать за это надо было бы не столько Московский Патриархат, сколько «силовики». «Действительным адресатом этих замечаний должно быть Министерство обороны Российской Федерации, - писал он. – Какая церковь, будучи на месте РПЦ, повела бы себя по-другому?»

18 июля 1995г. в церковно-административном аппарате был создан синодальный отдел по взаимодействию с вооружёнными силами и правоохранительными учреждениями (далее - военный отдел). Как сообщил в докладе на Архиерейском соборе в августе 2000 г. первый председатель отдела епископ Красногорский Савва, в основу его повседневной работы были положены подписанные к тому времени эксклюзивные соглашения РПЦ с Минобороны, МВД, МЧС, Федеральной пограничной службой, Главным управлением казачьих войск и другими силовыми ведомствами.

С самого начала в штат отдела, наряду со священнослужителями, был включён кадровый офицер, занявший должность руководителя информационно-аналитической службы. Кроме того, по одному дню в неделю в отделе начали трудиться в качестве

консультантов офицеры силовых структур, подписавших соглашения с церковью. Выступавший на Архиерейском церковном соборе в октябре 2004 г. новый председатель Военного отдела протоиерей Димитрий Смирнов сказал, что его подразделение работает по пяти направлениям: армия, милиция, тюрьма, остальные структуры плюс издательско-миссионерское направление.

О содержании работы отдела, его сотрудничестве с соответствующими государственными структурами и взглядах представителей обеих сторон можно судить по материалам, публикуемым в официальном печатном органе отдела «Победа, победившая мирь». Эта газета ставит под сомнение принцип отделения церкви от государства, более того - прямо призывает к слиянию РПЦ и государственных структур в некий «единый организм», «один военный лагерь, одну общину, один большой монастырь».

6 марта 2002 г. был освящён православный храм в честь Софии, Премудрости Божией на территории комплекса зданий Федеральной службы безопасности России. На церемонии освящения были директор ФСБ Николай Патрушев, другие руководители и сотрудники ведомства. После богослужения директор службы в своём выступлении прямо связал открытие храма с профессиональной деятельностью «ведомства, сотрудники которого несут нелегкую службу по защите Российского государства».

К «силовикам» присоединились и другие правительственные учреждения, в том числе Министерство иностранных дел, которое занялось строительством и оборудованием православных храмов за рубежом, в том числе в зданиях посольств и миссий РФ. Посещение богослужений стало своего рода показателем благонадёжности не только в МИДе, но и для всех работников «бюджетной сферы», независимо от их реального отношения к религии.

Тот же процесс начался и в судебной системе. 20 апреля 2006 г. руководители Славянского правового центра Анатолий Пчелинцев и Владимир Ряховский обратились к председателю Верховного Суда и генеральному прокурору Российской Федерации с открытым письмом, в котором обратили их внимание на факты нарушения принципа светского характера судопроизводства в Московском городском суде, где, вопреки действующему законодательству, сооружена православная часовня. В письме отмечалось, что на территории Мосгорсуда, по существу, была создана состоящая из его сотрудников религиозная община, которую «окормляет» духовенство близлежащего православного храма.

Тем временем в России резко обострилась полемика по вопросу о преподавании предмета «Основы православной культуры» в светской школе. История вопроса подробно описана в двухтомной монографии Эдуарда Днепров, который занимал пост министра образования России в 1991-1992 гг., затем был советником Бориса Ельцина, после чего перешёл на научно-педагогическую работу. Поводом для нынешней вспышки страстей стало принятое в марте 2007 г. решение созданной в 1993 г. по инициативе митрополита Кирилла (Гундяева) церковно-общественной организацией Всемирный русский народный собор добиваться «закрепления и расширения практики преподавания “Основ православной культуры” в российских школах»

Правозащитники, в том числе и те из них, кто был бы готов в принципе согласиться с преподаванием религиозных дисциплин в государственной школе, подчёркивали, что сегодня к этому не готовы ни общество, ни сами религиозные организации. Религиоведы, со своей стороны, приводили веские аргументы в пользу изучения учащимися истории мировых религий, включая все христианские конфессии, ислам, иудаизм и другие распространённые сегодня в нашей стране и за рубежом вероисповедания.

В июле 2007 г. десять известных во всём мире учёных, в том числе лауреаты Нобелевской премии академики Виталий Гинзбург и Жорес Алфёров, обратились к Путину, чтобы выразить беспокойство в связи с «возрастающей клерикализацией российского общества». «Верить или не верить в Бога – дело совести и убеждений отдельного человека, – писали они президенту. – Мы уважаем чувства верующих и не

ставим своей целью борьбу с религией. Но мы не можем оставаться равнодушными, когда предпринимаются попытки... подменить знания, накопленные наукой, верой».

2. Ограничение прав и возможностей неправославных религиозных структур

Требование обеспечить РПЦ «главенствующую роль среди других традиционных конфессий в России, где большинство населения – православное» было впервые сформулировано незадолго до начала первой чеченской войны, в 1993 г., только что упомянутой нами организацией (до декабря 1994 г. она называлась «Всемирным русским собором»). В дальнейшем, между 1993 и 1999 годами, аппарат ВРНС разработал целую стратегию, ориентированную на отказ от принципов светскости государства и равенства религиозных объединений перед законом.

Согласно этой стратегии, мусульмане, буддисты и последователи иудаизма могут мирно сосуществовать с православными в одном с ними российском (синоним – русском) государстве лишь постольку, поскольку они адресуются: первые - к татарам (башкирам, северокавказцам), вторые – к бурятам, тувинцам и калмыкам, третьи – к евреям. При этом они должны признавать «главенствующую» роль русского православия и его особое положение в государстве, обозначенное в преамбуле к дискриминационному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях», который был пролоббирован в 1997 г. совместными усилиями «ястребов» в РПЦ и государственном аппарате.

Претензии на подобное распределение места на «канонической территории» РПЦ аргументируются якобы сплошной принадлежностью чуть ли не всего русского населения к православию. Выступая в прямом эфире государственной радиокomпании «Голос России», митрополит Кирилл говорил: «80 процентов нашего народа крещено в православной вере. А если кто-то даже и не крещён, то его родители были крещены. И культурологически, и духовно он связан с православием... Значит, он сам и его семья должны быть объектом пастырского попечения нашей Церкви, в этом наша ответственность перед Богом, людьми и страной».

Вспоминается и такое высказывание митрополита: «Если раньше мы говорили "русский", то имели в виду и калмыка, и чеченца, и кого угодно из проживающих в России. Никого это не пугало. Сейчас вдруг стало признаком шовинизма... Я лично с этим не согласен. И сам обычно использую слово "русский", имея в виду любых моих соотечественников, а не только этнически чисто русских людей, о коих говорить вообще непросто в нашей стране, где так перемешаны этносы... Но, к сожалению, иные люди полагают, что если говорят о русских, то, мол, тем самым ущемляют достоинство других».

Отождествление «русскости» и «православности» не является каким-то lapsus linguae, случайной оговоркой владыки Кирилла. Оказавшись в условиях религиозной свободы лицом к лицу с «инославными» религиозными объединениями, которые обращаются ко всем россиянам, независимо от их этнической принадлежности, в том числе и к славянам, церковно-административные структуры РПЦ увидели, что часто проигрывают протестантам и - хотя и в меньшей степени - католикам. Против них-то и был направлен по существу закон 1997 г.

Благодаря нескольким определениям Конституционного суда, который не позволил «ястребам» придать этому законодательному акту обратную силу, сегодня в государственном реестре РФ фигурируют около 25 тысяч религиозных структур почти семидесяти различных направлений. Чуть более половины из них принадлежат РПЦ. Второе и третье места делят между собой мусульмане и протестанты (абсолютно точных цифр численности их структур не существует, так как многие мусульманские и протестантские общины по разным причинам функционируют без регистрации и, следовательно, выпадают из статистики Минюста). Далее с большим отставанием следуют иудеи, католики и буддисты.

Одними из первых почувствовали на себе тяжёлую длань государства последователи иудаизма. После нескольких публичных высказываний, по правде говоря, достаточно осторожных, в поддержку мирного населения Чечни главный раввин России Адольф Шаевич неожиданно для себя столкнулся с попыткой отстранения от руководства своей религиозной общиной. Вот что писала по этому поводу в июньском номере за 2000 г. выходящая в Москве «Международная еврейская газета»: «Если говорить всерьёз, то произошло невероятное. Одно из подразделений нынешней администрации осмелилось в стране, где в соответствии с Конституцией государство отделено от религиозных институтов, предложить главному раввину уйти в отставку». Шаевич от этого предложения отказался. Тогда в противовес руководимому им Конгрессу еврейских религиозных организаций (КЕРООР) в конце 1999 г. была создана новая религиозная организация под названием Федерация еврейских общин России (ФЕОР). 13 июня 2000 г. она избрала другого, «параллельного» главного раввина. Его Путин и включил в состав Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при президенте, выведя из него «провинившегося» Шаевича.

Вскоре после этого возникли трудности у католиков. Когда в начале февраля 2002 г. Ватикан решил учредить в России вместо четырёх существовавших ранее апостольских администратур (временных структур Римско-католической церкви) архиепархию в Москве и ещё три епархии в Новосибирске, Саратове и Иркутске, в полемику между РПЦ и РКЦ включилось Министерство иностранных дел России. Не отрицая права католиков организовываться в соответствии с собственными каноническими нормами, российское дипломатическое ведомство, тем не менее, сначала попыталось не допустить осуществления принятого Иоанном Павлом II решения, а потом выразило официальное сожаление в связи с тем, что «такое важное решение было принято без должного учета мнения российской стороны». К антикатолической кампании подключилась и Государственная дума.

Ещё больше неприятностей пришлось пережить российским протестантам, которые, работая на том же этническом поле, что и православные, стали восприниматься РПЦ как основные конкуренты в борьбе за паству. После того как вместо Петра Коновальчика, срок полномочий которого истёк, новым руководителем российских баптистов был избран неоднократно выступавший с критическими замечаниями в адрес государственных и церковных чиновников молодой епископ Юрий Сипко, место представителя этой религиозной организации в Совете при президенте долгое время оставалось вакантным. В конечном итоге на него был назначен человек, «не скомпрометировавший» себя такой критикой.

Особенно трудно складывается религиозная жизнь протестантов в провинции, где они то и дело подвергаются притеснениям со стороны государственных чиновников, следующих «советам» православных архиереев. Один из последних тому примеров - преследование методистов Смоленска после направленного 22 января нынешнего года викарием местной епархии РПЦ (то есть заместителем митрополита Кирилла) письма в прокуратуру и несколько других госструктур с требованием «принять меры по ограждению жителей города от данной псевдорелигиозной организации».

Разделить религиозные общины России на «свои» и «чужие» открыто предложили авторы попавшего в печать проекта доклада рабочей группы президиума Государственного совета РФ по вопросам противодействия проявлениям религиозного экстремизма в РФ от 30 октября 2002 г. В нём уже сам факт увеличения числа зарегистрированных в России за последнее десятилетие конфессиональных направлений рассматривался как сугубо негативный. По словам составителей документа, создавшееся положение, обусловленное, в частности, «ростом религиозной экспансии со стороны других государств» (!), «нарушает сложившийся в стране этноконфессиональный баланс».

Болезненнее других реагируют на ущемление своих прав мусульмане - самая крупная после православных религиозная община страны. Претензии Совета муфтиев

России к государству подробно изложил в докладе, подготовленном к научно-практической конференции, которая состоялась в декабре 2005 г. в ИЕ РАН, председатель Совета шейх Р. Гайнутдин. Среди этих претензий:

- § «практическое отсутствие национальной и религиозной политики, отсутствие ситуативного анализа и прогнозов в этих сферах, пускание процесса на самотек;
- § систематическое воспрепятствование открытию духовных учебных заведений, строительству мечетей и регистрации общин в регионах, где мусульмане находятся в меньшинстве;
- § попытки некоторых чиновников на государственном уровне навязать преподавание в государственных и муниципальных школах только православное образование или сделать его обязательным для детей мусульман, чего не было даже в православной Российской империи;
- § реализация таковых в ряде субъектов РФ; попытки некоторых чиновников на уровне государственной идеологии, а также в учебных программах, представить российскую историю как историю Московского княжества, а его победы над другими княжествами и ханствами в борьбе за лидерство в средние века – как победы общегосударственного масштаба, которые следует отмечать всей стране».

В марте 2007 г. с «открытым письмом» к В.В. Путину обратились два сопредседателя Совета муфтиев России, являющиеся одновременно главами Духовных управлений мусульман азиатской части России и Поволжья. Письмо подписали также лидеры ряда местных мусульманских общин и более 3000 верующих. Приведя конкретные примеры нарушений религиозной свободы в различных субъектах федерации - от запрета на публикацию и распространение «практически всей литературы, цитирующей Коран», до произвольных арестов и пыток, жертвами которых становятся совершенно невинные люди, - авторы письма заявляли: «Мы свидетельствуем, что мусульмане России не хотят и не требуют никаких привилегий для себя, никаких выгод, никакого «первенствующего» или «господствующего» статуса. Мы призываем следовать Конституции - основе стабильности и будущего процветания нашей многоконфессиональной Родины».

3. Русский православный «сверхнационализм»

В октябре 2005 г. группа приехавших из России околоправославных деятелей встретилась на греческом острове Керкира (Корфу) для подготовки очередного варианта национальной идеи. Встреча проходила в пятизвёздочном отеле «Corfu Imperial» и спонсировалась фондом «Русский предприниматель» и Федеральным агентством РФ по военно-техническому сотрудничеству. По завершении встречи её участники, среди которых были и неофициальные представители РПЦ, познакомили журналистов с объёмистым документом под претенциозным названием «Русская доктрина».

Церковь как таковая не решилась сразу же официально поддержать эту инициативу и передала её на рассмотрение в постоянно действующие структуры ВРНС. «Обкатка» документа возобновилась там при участии штатных богословов и других сотрудников церковно-административного аппарата, которые присоединились к 70 первоначальным разработчикам текста объёмом в несколько сот страниц. 20 августа 2007 г. после «соборных слушаний», проходивших под председательством митрополита Кирилла, было объявлено, что сформулированные в «Русской доктрине» предложения «могут стать основой идеологии и разумной модернизации России на ближайшие годы».

Отвечая на вопросы журналистов после представления «Русской доктрины» в ОВЦС, митрополит сказал, что готов согласиться не со всеми практическими разработками её авторов, но главная идея концепции - модернизация на основе традиционных ценностей - им полностью разделяется. В результате, не получив ещё окончательного одобрения, новый документ уже начал приносить первые плоды. Было

объявлено, что в феврале 2008 г. XII пленарная сессия ВРНС примет разрабатываемую на его основе доктрину «Молодёжь России», а к лету того же года составители «Русской доктрины» намерены написать «Программу среднесрочных преобразований России», которая будет передана будущему президенту и правящей партии.

Нетерпеливые составители документа, окрылённые похвалой председателя ОВЦС, не стали ждать февраля и в самом начале января 2008 г. выложили свой труд на полки книжных магазинов Москвы, Санкт-Петербурга и других городов страны. По всему тексту этого документа рассыпаны ссылки на её православный характер. Уже во введении идеалом разработчиков доктрины объявляется... «сетевая Святая Русь». «Суть Русской доктрины, - заявляют авторы, - создание иерархически-сетевой социальной ткани, сетевой империи на месте разрушенного “советского мира”, на основе... той же, что и раньше, что и всегда, сверхнациональной русской нации» (так в тексте - А.К.). Осуждая «чужебесие», составители документа перечисляют четыре «ценности, для России глубоко традиционные, глубоко русские, созидавшие Россию: православие, монархию, империю, мессианизм».

С особой симпатией авторы документа отзываются о тезисе «Москва – Третий Рим» и о царствовании Ивана Грозного, «который до конца воплотил доктрину Филофея, выковав из Московского государства качественно новую державу – Русское царство». «Итоговым режимом закрепления царства на Руси, - продолжают они, - стала “опричнина”, внутренний мистический смысл которой не может быть прочитан без исследования сакральных архетипов, которыми руководствовался первый русский царь». Хотя для них «объективный смысл “опричнины” прозрачен и лишь нежелание видеть и признавать очевидное большинством историков наплодило вокруг “опричнины” массу домыслов и догадок».

Свою долю похвал получил и Сталин: «Сталинская концепция “братства” народов прямо противоположна концепции Коминтерна с его идеалом смешения народов. Фактически во имя “братства” народов (имперского братства!) Сталин разгромил Коминтерн и лишил его политического влияния. Он указал “интернационалистам” их место – быть конспиративной силой на Западе, то есть фактически обернул “интернационалистический” инструментарий против тех, кто его изобретал и внедрял в подрывных целях в “нецивилизованные” страны. Таким образом Сталин перевёл борьбу цивилизаций в плоскость секретных служб: он отказал Западу в праве на двойные стандарты, создав в противовес им собственный “второй стандарт”».

От восхваления тиранов прошлого всего один шаг к открытому призыву отказаться от нынешней Конституции Российской Федерации и принципов правового государства в пользу жёсткого режима личной власти, опирающегося на силу. Согласно документу, в основе «гармоничного государственного устройства должен быть монархический принцип единоначалия». При этом «на пути к восстановлению монархических институтов России, возможно, придётся пройти и через диктатуру, и через авторитарное правление, другие автократические формы».

В любом случае «Глава Государства (президент, правитель и т.д.), являющийся одновременно верховным главнокомандующим, должен сосредоточивать в своих руках рычаги верховной законодательной, исполнительной власти, иметь право относить к своей компетенции любое решение и давать прямые указания на любой уровень управленческой вертикали... Глава Государства должен выступать безусловным национальным лидером. Его избрание на этот пост должно осуществляться не столько “количественным” всенародным голосованием, сколько “качественной” общенациональной поддержкой – голосованием народных советов, одобрением Сената, Военного совета и Православной Церкви и, по возможности, мнением (завещанием или рекомендацией) прошлого Главы Государства».

Авторы доктрины напоминают о «глубинных методах проверки преданности» подданных «сетевой святой Руси»: «Первичный отбор должен углубляться с помощью

новейших методов психологического тестирования, разработанных советскими учёными... Зондаж может осуществляться с помощью замаскированных под медицинские проверки методик (скрытое зондирование), стопроцентно позволяя определить, кто искренне предан делу возрождения Русской цивилизации» (в качестве примера называются, в частности, имена журналистов Алексея Пушкиова, Андрея Доброва, Михаила Леонтьева и Аркадия Мамонтова). «Решению кадровых и других административных вопросов призвано помочь более широкое использование новых информационных технологий. Государства, отстающие в этой области, проигрывают. Примером «такого проигрыша можно считать “оранжевую революцию” на Украине».

Изобретатели доктрины, именуемой ими *«русским глобальным проектом»* (выделение шрифтом принадлежит им самим), не слишком жалуют нынешних политических руководителей Российской Федерации, которые до сих пор заявляют о приверженности Конституции. «Отсутствие в современной России официальной идеологии, - пишут они, - следствие эклектичности верховной власти». Вывод для них очевиден: *«Нынешней хаосократии необходимо противопоставить смыслократию»*. После чего, не дожидаясь даже раскрытия понятия «смыслократия», предлагают три варианта действий, направленных на достижение сформулированной ими цели.

Первый («пессимистический») вариант действий предусматривает изменение конституционного строя страны путём вооружённого насилия. Для его реализации потребуются ввести режим «национального самовосстановления, вплоть до партизанской войны, отвоёвывающей Россию слой за слоем, участок за участком». «В случае начинающегося распада страны или перехватывания власти по “оранжевому” сценарию как кремлёвские, так и местные власти могут призвать нас смириться с происходящим, чтобы избежать кровопролития... Если бюрократия блокируется с этими разрушителями, мы выступим и против бюрократии. И именно для этого нам нужно разворачивать структуры народной демократии снизу».

Второй сценарий, названный авторами «инерционным», в отличие от первого, позволяет решить проблему власти без широкомасштабной «партизанской» (то есть по существу гражданской) войны. В этом случае, говорится в проекте, «здоровые националистически настроенные граждане и группы организуются снизу, укрепляют базу своего единства, создают новую реальность помимо государства... Становится возможным выстраивание параллельного нынешнему государству сетевого сообщества (в каком-то смысле этот процесс уже можно наблюдать – *sic!*). Данное сетевое сообщество постепенно приобретает иерархические черты, становясь протогосударством, со своей идеологией национального возрождения..., со своими людьми, “завербованными” (*sic!*) на разных уровнях официальной системы».

В третьем, «оптимистическом» сценарии, завершают этот раздел документа его составители, Русская доктрина становится в каком-то смысле официальной и начинает осуществляться властями, разделяющими как минимум значительную часть её идей. «При развитии такого сценария власть должна бросить клич социальной правды, обратиться к этому вековому чувству. Власть должна призвать активное здоровое население, во-первых, в элиту («делайте карьеру!»), во-вторых, в реальный сектор экономики через учреждение масштабных проектов. Это должна быть... идеология национального развития, волевого проекта, опирающегося на сознательно выстраиваемый “образ будущего”».

Преждевременная публикация документа, который, судя по его содержанию, должен был бы носить конфиденциальный характер, явно застигла врасплох тех, кто поторопился солидаризироваться с «главной идеей концепции». Вряд ли она обрадовала и высших руководителей государства, тем более что это было в канун президентских выборов. Так или иначе, XII форум ВРНС эту «главную идею» не обсуждал. И вообще перед открытием форума митрополит Кирилл заявил на пресс-конференции, что он «будет принципиально отличаться от соборов прошлых лет». Да и вообще «данный форум не

является церковным мероприятием». Ещё дальше председатель ОВЦС зашёл в своём основном докладе, заявив:

«Мы должны осознать, что все, кто призывает нас к национально-религиозной обособленности, на самом деле просто хотят, чтобы Россия как великое государство более не существовала. Всё это не просто безответственное фантазирование, не просто конструирование абстрактных философских схем, это взрывоопасные идеи, которые могут обернуться катастрофой для нашей страны... Любовь к своему народу, религии, не должна ограничивать приятие и доброе отношение к представителям других взглядов. Истинный патриотизм не пренебрегает духовными достижениями иных стран и народов, он стремится постигнуть и усвоить их, чтобы обогатить свою культуру».

Приятно завершать доклад на оптимистической ноте. Нельзя, однако, не добавить: за хорошими словами должны следовать такие же добрые дела. Властные структуры России должны соблюдать первую в нашей истории Конституцию правового государства. Самая крупная религиозная структура страны - Русская Православная Церковь - должна следовать Основам своей социальной концепции, не вмешиваясь в дела государства и не допуская вмешательства государства в свои собственные внутренние дела. Всеми российскому обществу предстоит научиться жить в условиях данной ему 20 лет назад свободы выбора и не ошибиться в этом выборе.

Михаил СИТНИКОВ (Москва, РОССИЯ)

ПРАВОСЛАВНАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ В РОССИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ИЛИ МУТАЦИЯ?

Разумеется, что столь откровенная манифестация в заголовке обязывает к всестороннему и серьезному исследованию на эту тему. Рано или поздно подобное, вероятно, кем-то будет осуществлено. Ведь реалии постмодерного периода в развитии всей религиозной сферы нашей жизни заявляют о себе достаточно громко. Причем, сразу во всех своих проявлениях - информационных, общественно-политических, социально-психологических, доктринальных и так далее. Серьезные качественные изменения самой религиозности и ее восприятия в секулярном обществе и противоречивые процессы, происходящие внутри самих религиозных институтов, позволяют говорить о вступлении в пору одного из наиболее серьезных религиозных кризисов на уровне общественного сознания за весь период обозримой истории.

Нетрудно заметить, что страны постсоциалистического, а тем более постсоветского пространства становятся одним из эпицентров этого кризиса. Это не должно особо удивлять, потому что именно они в XX веке оказались главным полем исторического эксперимента, начавшегося с опытов большевизма и фашизма. Он продолжается и ныне, принимая форму неуклонного обострения противостояния между множеством деструктивных и конструктивных идеологем современности. С одной стороны, мы видим лавинообразные тенденции в сторону традиционализма во всем многообразии, а часто и парадоксальности его проявлений. С другой – тенденции к поиску выхода из растущего клубка все более осознаваемых всеми и общих для всех проблем: экологических, демографических, геополитических и целого комплекса социальных. Понятно, что религиозные планы общественного и личного человеческого сознания оказываются в этих условиях на переднем краю. В результате же, мы видим, как все большую актуальность где бы то ни было приобретает тот самый религиозный фактор, о котором в ушедшем веке почти забыли, оставив ему разве что декоративную представительскую роль, придающую